

графъ Толстой со свойственнымъ ему богохульствомъ заявляетъ, что «изобрѣтатель Церкви — дьяволъ въ пелеринѣ» (см. Толст. «Возстан. ада», стр. 23),—что онъ именно «выдумалъ Церковь» для того, чтобъ «спасти» Веельзевула и его клеветовъ и «возстановить адъ» (стр. 7)... потрясенный и сокрушенный Христомъ (стр. 4, 3)... Церковь—де нужна дьяволу для того, чтобъ затемнить, извратить ученіе Христова! Графъ *такимъ образомъ* кощунственно отзывается о Церкви, которая, наоборотъ, призвана сохранять и передавать въ чистотѣ и цѣлости животворное ученіе нашего Господа и которая употребляетъ всѣ силы на то, чтобъ содѣйствовать спасенію ея членовъ...—о Церкви, которую создалъ Самъ Иисусъ Христосъ—Единородный Сынъ Божій (Матѳ. XVI, 18). Толстой въ данномъ случаѣ превзошелъ, кажется, уже всѣхъ безумцевъ всѣхъ временъ!

«А церковь»,—продолжаетъ онъ,—«это-то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: Ей Богу, правда то, что я говорю,—это собственно и есть церковь»... При этомъ «люди, признавшіе себя церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблудиться, и потому, какую бы глупость» (!! «они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься» и т. д. (Толст. «Возстан. ада»; стр. 7)... Здѣсь у графа читаемъ уже въ буквальномъ смыслѣ какой-то сумбуръ, — какой-то дикій бредъ сумасшедшаго... Въ бессмыслицѣ толстовской разобраться уже положительно невозможно, — да несомнѣнно, что и самъ Толстой не отдавалъ себѣ какого-либо отчета въ томъ, что писалъ. Нагромоздилъ массу вздора—и кончено! Въ самомъ дѣлѣ, если люди,—допустимъ,—лгутъ тѣ или иные и если, чувствуя, что другіе имъ не вѣрятъ, станутъ божиться для увѣренія въ своей правдѣ...,—то какая же тутъ Церковь? Даже и Толстому сказать что-либо столь несуразное, столь безконечно бессмысленное, кажется, уже трудно бы! Если «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православною вѣрою, закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и Таинствами» («Катих.»: лос. cit.),—то при чемъ же тутъ какія-то придумываемыя графомъ «ложь», «божба»..., «глупость», которую онъ всего лучше оставилъ бы при себѣ, гдѣ ей всего умѣстнѣе и пребывать? Или ужъ безъ извощичьяго языка «культурному» ругателю не обойтись,—такъ онъ милъ ему?

• Если подобнымъ образомъ Толстой смотритъ на Церковь,